
Стати и Элен Твенти
Не влюбляйся в моего врага
18+

Стаси Твенти

Не влюбляйся в моего врага

https://litres.ru/74283927
SelfPub; 2026

Аннотация

Чужое лицо, чужое имя, чужая вражда. Настоящая Аврелия Морвейн заплатила мне за год жизни в Академии Этерниса. Для нее это способ раскрыть темную тайну гибели подруги, для меня — единственный шанс оплатить лекаря для умирающей сестры. Я выучила правила, надела шелка и приготовилась быть невыносимой стервой.

Но я не учла одного: человека, который станет моим наставником. Гариет Карион, давний и заклятый враг настоящей Аврелии, презирает меня. И теперь мы вынуждены жить в одном доме. Он обещает превратить мою учебу в ад, а я молюсь, чтобы этот опасный, проницательный маг не заметил, как дрожат мои руки. Ведь если магический кулон погаснет, моя настоящая жизнь будет окончена.

В тексте есть:

#- академия магии
#- тайны и расследование
#- сложные отношения
#- от ненависти до любви
#- подмена личности

Содержание

Глава 1. Чужое имя 4
Глава 2. Карион 10
Глава 3. Приличия 16
Глава 4. Знак Девы 21
Глава 5. Ректор 25
Глава 6. Голос Льва 29
Глава 7. Зеркальная связь 33
Глава 8. Первая ниточка 37
Глава 9. Ходячая катастрофа 41
Глава 10. Письмо из дома 44
Глава 11. Линнея 48
Глава 12. Старая схема 52
Глава 13. Кажется, я ошиблась 56
Глава 14. Не ради тебя 60
Глава 15. Сквозь стекло 64
Глава 16. Спящая красавица 69
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Не влюбляйся в моего врага

Глава 1. Чужое имя

Карета качнулась и встала. Я прижала ладонь к груди, где под воротником прятался изумрудный кулон, и заставила себя разжать пальцы.

Всю дорогу от Этерниса я готовилась не удивляться. Мать двадцать лет стряпала в богатом доме, я выросла среди чужого серебра и знала, чем пахнут деньги — воском, кофе, крахмальным бельем. Так я себе твердила, сидя на бархатном сиденье и не решаясь откинуться на спинку, чтобы не измять юбку. А потом возница откинул подножку, подал руку в белой перчатке, и я вышла на мощеный двор. И задрала голову.

Академия стояла на холме над излучиной реки, и охватить ее одним взглядом не выходило. Светлый камень, отмытый ночным дождем, отдавал розовым в раннем солнце. По кругу поднимались двенадцать башен, каждая под своим цветом: медь, синева, зеленое стекло, ловившее свет так, что резало глаза. Между ними висели крытые галереи, увитые чем-то живым и цветущим не по осенней поре. Внизу дорожки были выложены плиткой с прожилками, будто срезы камня, и

по ним, не глядя под ноги, шли люди в плащах, каждый из которых стоил дороже всего, что я нашила за свою жизнь.

Я стояла с приоткрытым ртом, пока не спохватилась и не закрыла его. Ветер трепал тяжелый шелковый подол — за одну вышивку по краю в мастерской я запросила бы месячную плату. Теперь эта юбка была моей.

— Госпожа Морвейн?

Я вздрогнула, серьги качнулись и кольнули шею холодком драгоценных камней.

У ворот, между двух столбов с вырезанными в камне знаками Зодиака, стоял человек в темной форме с серебряным шитьем. Он держал раскрытую книгу в кожаном переплете и смотрел на меня спокойно, тем взглядом, каким смотрят на тех, кому положено кланяться.

— Да, — выговорила я. Голос сел, и я откашлялась. — Да, это я.

— Ваши бумаги, госпожа.

Я полезла в расшитую бисером сумочку, крохотную снаружи и бездонную внутри. Рука привычно ждала наткнуться на дно, но пальцы ушли глубже локтя и вытащили свернутые документы. К такому я не привыкла до сих пор и всякий раз внутренне готовилась, что фокус вдруг перестанет работать.

Человек развернул бумаги и повел пальцем по строчкам.

— Аврелия Морвейн, — прочитал он. — Дом земли, знак Девы. Поместье у Золотых Озер.

Каждое слово он произносил медленно. Я кивала. И с каж-

дым кивком яснее чувствовала кулон — теплую точку под ключицей, от которой по коже расходилось слабое покалывание. Пальцы сами потянулись прижать его ближе через ткань. Казалось, стоило человеку всмотреться пристальнее, задержать взгляд выше моего подбородка — и сквозь наведенные черты проступило бы собственное лицо, узкое, с россыпью веснушек на скулах.

Он не всмотрелся. Свернул бумаги, вернул, коротко склонил голову.

— Добро пожаловать в Столичную Академию Этерниса. Вас проводят.

Он кивнул куда-то мне за спину. Я обернулась.

Молодая женщина стояла так близко и так тихо, что шагов ее я не услышала. Невысокая, в сером платье с белым воротничком, гладко причесанная, руки сложены у пояса. Я бы ей и тридцати лет не дала. На таком лице взгляд не задерживается: ровное, круглое, с опущенными уголками рта.

Я узнала ее раньше, чем она заговорила. Сначала екнуло под ребрами, потом всплыло: ее лицо мне показывали среди тех, кто знает Аврелию Морвейн близко и заметит любой промах.

«С этой держись ровно и говори поменьше».

Ровно я держалась настолько, насколько это выходит у швеи в чужом шелке. Пальцы снова нашли кулон.

— Тея, — только и выдавила из себя я.

— Госпожа Морвейн. — Женщина склонила голову ниже,

чем страж у ворот. — Как вы и поручили, я подготовила дом к вашему приезду. Я вас провожу, это на дальнем краю, у платановой аллеи.

Говорила она без нажима, глаз выше моего подбородка не поднимала. Я сглотнула и пошла за ней, стараясь ступать так, будто исходила эти дорожки сто раз.

Под сводами галерей пахло нагретым камнем и травой. Я вертела головой, хоть и запрещала себе, — уж очень много всего было, чтобы не смотреть. Мимо прошли двое в легких плащах с медной каймой, под цвет одной из башен; они скользнули взглядом по вышивке на моей юбке, по муфте у меня в руках, и один чуть наклонил голову, приветствуя. Меня! Я запоздало кивнула в ответ и едва не споткнулась о край плиты.

Навстречу попался слуга с корзиной белья, и я по привычке качнулась в сторону, освобождая ему дорогу, потянулась было подхватить сползающий край простыни. Тея бросила на меня короткий взгляд, и я застыла с протянутой рукой. Слуга уже прижимался к стене, пропуская нас. Я убрала руку и пошла дальше, глядя прямо перед собой. Щеки горели.

— В этом году вам выделили другой дом, — сказала Тея, когда мы свернули с общей дорожки в тень платанов. — И другого куратора. Он уже ждет вас.

Само слово «куратор» отзывалось холодком под ложечкой. Человек, с которым мы будем жить под одной крышей. Человек, который будет следить за моей жизнью не только в

стенах аудиторий, но и за их пределами.

Кто он? Сможем ли мы поладить? Не помешает ли он моему делу?

Я перебирала в памяти наставления, и с каждым шагом по устланной листьями аллее сомнений в успехе всей этой затеи становилось все больше.

Дом стоял в окружении пышных деревьев, одноэтажный, из светлого камня, с высокими окнами и низкой террасой. У крыльца Тея остановилась и отступила в сторону.

— Прошу, госпожа, — она снова склонила голову. — Если позволите, я позабочусь о вашем багаже.

Мне хотелось поблагодарить ее, но я вовремя прикусила язык: госпожа Морвейн служанок не благодарит. Я кивнула, как кивали мне у ворот, коротко, слегка прищурившись. Тея приняла кивок как должное и пошла обратно по аллее, бесшумно, как и появилась.

Я осталась одна перед дверью.

Ладонь опять легла на кулон. Под пальцами он был теплым, живым, и мне на миг почудилось, что он стал еще горячее. Я велела себе не думать, что случится, если этот теплый камешек однажды остынет посреди чужих людей. Толкнула дверь.

Внутри пахло деревом, книгами и дымком остывшего очага. Свет из высоких окон лежал полосами на дощатом полу. В глубине комнаты, у книжного стеллажа, стоял человек и смотрел, как я вхожу.

Молодой. Высокий, в темной форме куратора без единой лишней складки. Волосы черные, чуть длиннее, чем носят при дворе, падали на лоб. Он поднял голову, и я встретила его глаза — зеленые, проницательные, из тех, что замечают больше, чем нужно.

Дыхание перехватило, и пальцы стиснули кулон так, что край врезался в кожу.

Я узнала его.

Гариет.

Твою мать!

Глава 2. Карион

Он скривился, будто в комнату занесло что-то несвежее.

— Ты?

Одно слово, брошенное так коротко и с таким лицом, что стало ясно: моего появления он ждал меньше всего на свете.

Я вздернула подбородок и натянула то выражение, которое репетировала всю дорогу, — скучающее превосходство Аврелии Морвейн. Внутри у меня все обмерло. Сердце колотилось где-то в горле, и я вцепилась пальцами в кулон, лишь бы руки не выдали дрожь.

— А ты ждал кого-то другого? — голос вышел ровным, и это меня саму удивило.

Он усмехнулся одним углом рта, шагнул от стеллажа. Вблизи он оказался еще выше, и зеленые глаза смотрели тяжело, не мигая.

— Я не думал, что тебе хватит духу вернуться сюда после всего, что произошло.

Он говорил про тот самый случай? Или о чем-то другом? Аврелия не рассказала мне и половины того, что связывало ее с этим человеком. Я держала лицо и молчала ровно столько, чтобы молчание сошло за высокомерие и не выдало растерянности.

— Мое возвращение тебя не касается, Карион, — я обвела рукой комнату, стараясь, чтобы жест вышел ленивым. —

Твое дело — учить меня. Прошлое оставь при себе.

Что-то дрогнуло в его лице. Он смерил меня взглядом с ног до головы, задержался на изумруде у горла — на один короткий миг, но я успела похолодеть. Потом кивнул на дверь в глубине.

— Твоя комната там. Устраивайся и не шуми.

Я двинулась мимо, держа спину прямой. Уже у самой двери его пальцы вдруг сомкнулись на моем запястье. Он наклонился, и голос упал почти до шепота, обжигая мне ухо:

— Я попрошу, чтобы мне дали другую подопечную. А до тех пор постарайся не попадаться мне на глаза.

Я подняла на него глаза и криво усмехнулась.

— Катись в бездну, Карион.

Я выдернула руку и, не оглядываясь, ушла за указанную дверь. Прикрыла ее за собой и наконец выдохнула.

Комната была небольшой: кровать под белым покрывалом, стол у окна, пустой шкаф, распахнутый в ожидании чужих нарядов. Чисто, светло, чуждо. Я дошла до кровати, но садиться не стала — опустилась прямо на пол у ее края, подтянула колени и вжала ладони в лицо. Под пальцами было гладко. Ни одной веснушки, ни шрама на брови от давнего падения с яблони. Чужая кожа, натянутая поверх моей.

Как я вообще здесь оказалась?

Две недели назад я и помыслить не могла, что переступлю ворота столичной Академии. Я гнула спину над чужими юбками в мастерской за медяки, а по вечерам бежала домой,

где под грудой тряпья горела в жару младшая сестренка.

Лекарь приходил один раз. Пощупал лоб, послушал сиплое дыхание, покачал головой и назвал цену, от которой у матери подкосились ноги. Столько нам было не собрать и за год. Мать стряпала в богатом доме от рассвета до ночи, я шила, пока не начинали слезиться глаза, — а Лире день ото дня делалось только хуже.

А потом в нашу каморку вошла Аврелия Морвейн.

Дочь господина из того самого дома, где служила мать. Шелк ее платья мазал по щербатому полу, каблучки брезгливо обходили лужу у порога. Она обвела взглядом закопченный потолок, лежанку, где металась в жару сестренка, и лицо ее осталось ровным — ни капли сочувствия.

«Я слышала, у тебя мой знак, — сказала она без всякого вступления. — Дева».

Она достала из крохотной сумочки изумрудный кулон на цепочке, и камень словил свет.

«Я предлагаю тебе сделку. Ты поедешь в Академию под моим именем. Проучишься год, выучишь азы магии — тебе же на пользу. А я буду платить каждый месяц. Хватит и на лекаря твоей сестре, и еще отложишь».

Я стояла посреди своей нищей комнатенки, смотрела на этот кулон и хотела сказать, что мне это не нужно. Порядочные люди не влезают в чужую шкуру. А потом сестренка закашлялась за спиной — глухо, надсадно, — и внутри у меня все перевернулось.

Кулон лег на грудь, по коже прошло тепло. Чужие черты опустились на мое лицо и приросли намертво. Аврелия оглядела меня придирчиво, поправила мне волосы и вложила в руки бумаги на имя Аврелии Морвейн. Заставила заучить чужую жизнь наизусть: имена родни, названия поместий, привычки, вкусы. Перебрала передо мной портреты тех, кого мне предстояло узнавать в лицо. На одном задержалась дольше остального.

Темноволосый молодой мужчина с тяжелым взглядом. Голос Аврелии при виде него сел.

«Гариет Карион. Мой давний... знакомый. От него держись как можно дальше. Не заговаривай первой, не лови его взгляд. Если все же столкнешься — не щади. Мы с ним не ладим, поэтому можешь оскорблять его хоть через слово. Главное, чтобы он не заподозрил подмену. Он единственный здесь, кто способен все разрушить».

И, помолчав, тише, будто через силу, добавила: последи за ним. Запоминай, с кем он видится, куда ходит. У нее, мол, остались вопросы. Какие — Аврелия не сказала. Обронила только, что в прошлом году в Академии погибла ее подруга Мерлин и что-то в этой смерти не дает ей покоя.

«Тебе ничего не грозит, — прибавила она быстро, слишком быстро. — Но ты должна быть начеку. Ты должна забраться в самый темный угол и узнать, что с ней произошло».

Хотелось возразить, что я простая швея, а не сыщик, но

лекарь ждал денег, и я смиренно кивнула.

О том, что стояло между ней и Карионом, Аврелия не обмолвилась. Я знала лишь то, что знали все: две знатные семьи, годы общих приемов, детство под одними сводами. Их вражда тянулась откуда-то издалека и засела глубоко, застарелая, как трещина в фундаменте старого дома. Причин мне не открыли. Я и не спрашивала.

А теперь этот самый Карион, которого мне велено было обходить стороной, сидел в десяти шагах отсюда, за тонкой стеной. Мой куратор. До конца года нам делить одну крышу, один очаг, одни стены — если он раньше не поймет, кто прячется под лицом его старого врага.

Я отняла ладони от лица и посмотрела на свои руки: чужие холеные ногти, гладкая кожа без единой мозоли. Руки, которые будто никогда не держали иглы.

Отступать было поздно и некуда. Там, дома, кашляла сестренка, и каждый месяц этого обмана оплачивал ей лекаря. Я поднялась с пола, отряхнула юбку и заставила себя дышать ровно. Год. Один только год я продержу это лицо — и верну свое.

Что-то глухо стукнуло за окном.

Я вскинула голову. Звук шел снаружи, будто кто-то стоял там все это время и наблюдал. Я подобралась, тихо подошла к окну и отвела край занавески.

Во дворе стояли сумерки. Пусто. Только у дальних кустов качнулась ветка, и за ней мелькнул и пропал край темного

плаща.

Похоже, за мной следили. Неужели я уже успела привлечь чье-то внимание? Или врагов у госпожи было намного больше, чем я думала?

Глава 3. Приличия

Разбудил меня грохот. Кто-то молотил в дверь так, что дрожали петли.

Я подскочила на кровати, еще не понимая, где нахожусь. Чужой потолок, чужие стены, стылый утренний свет в окне — а кулак снаружи все бил и бил. Спросонья мне почудилось, что дом горит. Я метнулась к двери, как была, и распахнула ее.

На пороге стоял Карион. Он занес руку для нового удара и медленно опустил, оглядывая меня.

— Ты с ума сошел? — выпалила я.

Его взгляд неспешно скользнул сверху вниз. Только тут я вспомнила, в чем стою перед ним: тонкая кружевная сорочка из приданого Аврелии открывала куда больше, чем нужно. Кровь бросилась мне в лицо. В переполохе я и не подумала накинуть халат.

— Смотрю, ты совсем забыла о приличиях, — он усмехнулся, задержав взгляд там, где кружево ничего не скрывало.

Я скрестила руки на груди и вздернула подбородок.

— Тебе-то что за печаль до моих приличий. Зачем ты покушался на мою дверь в такую рань?

— Затем, что через час начинаются занятия. Проспишь — останешься без завтрака. — Он пожал плечами и отвернулся, бросив через плечо: — Хотя тебе, я смотрю, привыч-

нее вставать к обеду.

Я закатила глаза и захлопнула дверь у него перед носом. Привалилась к ней спиной, все еще пунцовая, и выдохнула сквозь зубы. С каждой минутой в обществе Гариета Карионa мне становилось яснее, за что его невзлюбила Аврелия. Наглец, каких поискать!

Умываться пришлось холодной водой из кувшина — очаг с вечера прогорел, и в комнате держался стылый воздух. Я плеснула в лицо, стерла остатки сна и полезла в шкаф, набитый чужими нарядами.

Со шнуровкой на спине незнакомого платья я провозилась долго. Руки выворачивались, тесемки не слушались, и я как раз зажала одну зубами, когда в дверь снова постучали — на этот раз тихо, костяшкой пальца.

— Войдите, — выговорила я сквозь тесемку, обрадовавшись передышке.

Вошла Тея. При виде меня — полуодетой, с завязками в зубах и локтями, заломленными за спину, — она застыла и всплеснула руками.

— Госпожа! Отчего же вы меня не позвали? — Она бросилась ко мне, отобрала шнуровку и принялась ловко затягивать. — Я ведь для того и приставлена. Когда вы вообще одевались сами?

Я прикусила язык. Настоящая Аврелия за всю жизнь, поди, не затянула ни одного шнурка, а у меня руки все делали сами, по двадцатилетней привычке.

— Задумалась, — соврала я. — Не заметила, как начала.

Тея покачала головой, но выспрашивать не стала. Пальцы ее быстро прошлись по крючкам и лентам, оправили складки, подобрали мне волосы. Из зеркала смотрела молодая светловолосая госпожа в платье цвета палой листвы — с лицом, которое я все еще не научилась звать своим. Я отвела глаза.

Трапезной оказалась дальняя комната с арочными окнами, выходящими на сад. Карион уже сидел там, закинув ногу на ногу, с чашкой в руке, переодетый в свежую форму, — с видом человека, который поднялся до рассвета и всем на свете доволен.

— А вот и госпожа Морвейн, — протянул он, не вставая. — Все-таки успела. Я почти впечатлен.

Я села напротив, как можно дальше, и потянулась за хлебом.

— Не дождешься, чтобы я осталась голодной тебе в угоду.

— В угоду? — он приподнял бровь. — Я колотил в твою дверь из чистого человеколюбия. Мог бы дать тебе проспать и полюбоваться, как ты являешься на первое занятие с недовольным лицом от того, что не успела съесть ванильный эклер на завтрак.

— Какая трогательная забота. Записать тебя в святые заступники?

Он фыркнул в чашку. Мы ели молча, и я почти поверила, что перемирие продержится до конца завтрака.

— Странно, — сказал он вдруг, разглядывая меня поверх края чашки. — Год назад ты бы уже запустила в меня чем-нибудь тяжелым. А нынче всего лишь огрызаешься. Смирение тебе к лицу, Морвейн. С чего бы?

Внутри у меня екнуло. Настоящая Аврелия — та бы запустила. Я торопливо свела брови и подпустила в голос яда:

— Просто не хочу марать фарфор о твою голову.

— Вот это ближе к правде. — Он усмехнулся, довольный собой, и откинулся на спинку стула.

Я намазала хлеб маслом, старательно глядя в тарелку. Молчание затягивалось, и в нем было что-то темное и опасное, от чего хотелось встать и уйти. Я подняла глаза — и наткнулась на его взгляд. Он смотрел на меня чуть дольше, чем позволяет простая неприязнь.

— И все же, — обронил он лениво, — не ждал, что ты встретишь меня утром в таком виде. — Уголок его рта дрогнул. — А я-то было решил, ты нарочно открыла дверь в одной сорочке. Признайся, захотела напомнить мне о той ночи?

Кусок хлеба застыл у меня в пальцах.

Щеки вспыхнули так, что жаром обдало уши. Он сказал это буднично, будто о погоде, и в самой этой будничности было что-то, от чего у меня свело живот.

Значит, вражда — не единственное, что связывало Аврелию с Гариетом Карионом.

Я не знала, что произошло между ними. Но, глядя на то,

как губы Гариета искривились в похотливой ухмылке, вдруг с ужасом поняла, что боюсь узнать.

Глава 4. Знак Девы

До учебного корпуса от нашего домика вела платановая аллея, и всю дорогу я перебирала то немногое, что умела.

Магия проснулась во мне в девять лет. Ночью я увидела в черном окне россыпь звезд, сложившихся в знак Девы, — так приходит Звездное Откликание, первая встреча со своим Созвездным Потоком. Наутро я заставила горсть земли в горшке свернуться в комок и снова осыпаться.

Дар — нечастая удача. На все королевство сильных магов наберется меньше горстки на сотню душ, и родиться такой может хоть в замке, хоть в нашем подвале, как придется. Знак Зодиака решал, какая магия тебе досталась. Дева относила меня к дому земли: власть над камнем и почвой да еще зеркальное зрение — умение смотреть сквозь стекло, воду и гладкий металл. Так объясняли те немногие, кто вообще снисходил растолковать что-то нищей девчонке.

Только знать — половина дела. Дар без учения остается слабым и капризным, как заглохший росток. Магии учат в академиях, а туда бедняков даром не берут: за науку платят золотом, которого у нас отродясь не водилось. Оттого все мое колдовство и свелось к грошовым фокусам: свернуть землю комком, нащупать свое отражение в лохани с водой посреди темных сеней, угадать по камню, где под ним пустота. Забава для ярмарки.

А теперь залы, где всему этому учат, распахнулись передо мной. Пусть под чужим именем и на один-единственный год — я собиралась выжать из него все. Магам в Астреллоре кланяются, их зовут и к постели больного, и к столу переговоров, платят так, что достанет и на лекаря, и на свой угол. Даже недоучке. Выучу азы — и дома, вернувшись собой, отыщу работу, о какой швея и мечтать не смеет.

За этими мыслями я и не заметила, как дошла.

В корпусе было людно. Студенты стекались к дверям аудиторий, гудели, смеялись, и я шла в этой толчее, стараясь держаться так, будто здесь мне все знакомо.

У поворота на лестницу я поймала на себе взгляд — тяжелый, неотступный. У стены, сунув руки в карманы, стоял парень и смотрел на меня в упор. Темные брови сведены, челюсть сжата. Он не опустил глаз, даже когда я встретила его взгляд.

Его я тоже узнала. Аврелия показывала мне и этот портрет. Джек. Тот, что сох по Мерлин и ничего не добился, — так она сказала тогда, поджав губы. Влюбленный до одури и отвергнутый.

Сейчас он смотрел на меня так, словно я осталась ему что-то должна. Или видел во мне ту, чье лицо я носила. Аврелию он ненавидел? Винил в чем-то? Я равнодушно скользнула по нему взглядом и прошла мимо, но еще долго чувствовала этот взгляд спиной.

Надо к нему приглядеться, решила я. Отвергнутый воз-

дыхатель, что провожает такими глазами подругу погибшей, — мимо такого пройти нельзя.

Аудитория поднималась полукругом, ряд над рядом, к высокому окну. Я устроилась с краю, подальше от чужих локтей, достала бумагу и грифель, как все вокруг.

Занятие оказалось вводным. Немолодая женщина в темной мантии магистра прошла вдоль первого ряда и заговорила — о башнях, о расписании, о том, как устроено обучение. Дом земли и дом огня она отсылала в мастерские артефакторов, дом воды и воздуха — к алхимикам. О резерве сказала просто: он у мага как дыхание в беге, тратится и возвращается, а чем чаще его гоняешь, тем дольше выдерживаешь.

Многое из этого я уже знала от госпожи, и мысли мои потекли своим чередом, пока магистр не подняла голос:

— И последнее. Тем из вас, кому назначен куратор, выпала особая удача. Кураторами у нас остаются выпускники, что проходят в Академии стажировку. Они обязаны ответить на любой ваш вопрос и, если понадобится, заниматься с вами отдельно, сверх общих часов. Не стесняйтесь их тревожить. Для того они и приставлены.

Я едва не фыркнула вслух. Мой куратор скорее откажется от стажировки, чем сядет со мной над книгами сверх положенного. Утром он мечтал сплавить меня кому угодно — а теперь, выходит, обязан водить меня за руку по премудростям Девы. Я представила лицо Кариона при словах «дополнительные занятия» и улыбнулась в кулак.

Словно подслушав, дверь аудитории отворилась.

Вошел Карион. По рядам пробежал шепот; на него смотрели, кто с любопытством, кто с опаской, кто с восхищением. Меня он отыскал взглядом сразу, будто заранее знал, где я сижу, и коротко проговорил, обращаясь к магистру:

— Прошу прощения. Госпожу Морвейн вызывают к ректору.

Магистр кивнула. По залу прокатился новый шумок, и все головы повернулись ко мне.

Я поднялась, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. К ректору — в первый же день. Я не успела ни оступиться, ни ляпнуть лишнего. За что зовут на ковер к первому человеку Академии?

Пальцы сами нашли под воротником изумруд. Он был теплым и держал мое лицо — пока держал.

Я спустилась к дверям. По лицу Кариона нельзя было прочесть ничего. Он придержал передо мной створку и, когда я поравнялась с ним, обронил тихо, одними губами:

— Успела что-то натворить в первый же день? Рекорд даже для тебя.

Глава 5. Ректор

Кабинет ректора находился в главной башне, под самой крышей, и всю дорогу по витой лестнице я уговаривала себя, что все обойдется. Выходило скверно.

Неужели раскрыли? Так скоро, в первый же день — кто-то что-то заметил, и вот меня ведут наверх, чтобы при всех сорвать чужое лицо с самозванки. Я перебирала утро по частям: чем себя выдала? Слишком мягко ответила Кариону? Слишком неловко держала вилку? Слишком низко опускала голову?

На верхней площадке меня встретил секретарь, отворил высокую дверь и пропустил внутрь.

Кабинет был светлый, заставленный книгами и картами звездного неба. Из-за широкого стола мне навстречу поднялся мужчина — лет тридцати пяти, с открытым лицом и ранней проседью на висках. Он улыбнулся так приветливо, что часть моего страха отступила сама собой.

— Госпожа Морвейн. Проходите, прошу. — Он указал на кресло у стола. — Не пугайтесь, я вас не задержу. Хотел лишь повидать вас лично.

Я опустилась в кресло, держа спину прямо, как учила Аврелия. Ректор сел напротив и сложил руки на столе.

— Признаться, я не был уверен, что вы вернетесь, — сказал он мягко. — После всего, что случилось в прошлом го-

ду... Такое горе не каждому по силам. Как вы, дитя мое? Только честно.

У меня пересохло во рту. Что стряслось в прошлом году, я знала лишь в общих чертах: подруга Аврелии, Мерлин, погибла, и сама Аврелия, не доучившись, уехала. Ни как погибла, ни во что это горе обошлось настоящей Аврелии — об этом мне никто не рассказал.

— Тяжело, — выговорила я, опустив глаза. Это, по крайней мере, не было ложью. — Но я решила, что должна вернуться. Ради... ради нее.

Слова легли удачно. Ректор кивнул, будто именно такого ответа и ждал.

— Мерлин была бы этому рада. — Он вздохнул. — А как ее родные? Держатся? Я писал им, но ответа так и не дождался.

Он спрашивал без умысла, я это видела, и оттого мне стало еще хуже. Он ждал ответа, какой знала бы близкая подруга. А я не помнила ни имен ее родни, ни того, живы ли еще ее отец с матерью.

— Держатся, — сказала я тихо, не поднимая глаз. — Как могут. Мы стараемся не бередить друг другу раны, оттого и пишем нечасто.

Он принял это за деликатность и мягко перевел разговор. Расспросил про дорогу, про то, устроилась ли я на новом месте, не нужно ли чего. Потом поднялся, давая понять, что беседа окончена.

— Учитесь прилежно, госпожа Морвейн. И помните: станет невмоготу — моя дверь для вас открыта. Мы здесь одна семья, а я не люблю терять своих, — он снова улыбнулся. — Удачи вам.

Из кабинета я вышла на ватных ногах, но с облегчением. Никто меня не разоблачил. Ректор всего-навсего хотел ободрить студентку, вернувшуюся после утраты, и сделал это так тепло, что у меня отлегло от сердца. Надо же, думала я, спускаясь по лестнице. За такого ректора, верно, студенты держатся руками и ногами. Участливый, внимательный — большая редкость среди тех, кто сидит на самом верху.

А дальше потянулись дни, каких у меня отродясь не бывало.

Впервые в жизни я сидела в тепле и слушала, как взрослые люди всерьез объясняют то, до чего прежде я доходила вслепую. На земляной магии нас учили чувствовать почву под ладонью — где она рыхлая, где слежалась в камень, — и я, к собственному удивлению, схватывала быстрее многих, кто вырос на всем готовом. Магистр зеркального зрения показывала, как удержать взгляд в глади воды, чтобы разглядеть творящееся за стеной; у меня выходило пока смутно, рябью, но выходило. Каждое слово я записывала огрызком грифеля, боясь упустить хоть крупицу. Вечерами ныли пальцы и гудела голова, но засыпала я счастливой.

О своем деле — о Мерлин, о Джеке, о плаще за окном — я на время почти забыла. Учеба забрала меня целиком.

В тот вечер я возвращалась в домик позже обычного. Солнце уже село, аллея лежала в синих сумерках, и окна нашего домика не горели — Тея, должно быть, ушла к себе.

Я уже взялась за дверную ручку, когда со стороны заднего крыльца донесся стук — глухой, короткий, будто хлопнула дверь. Я замерла и прислушалась. Тихо — только ветер перебирал листья на аллее.

Сердце заколотилось. Я толкнула дверь и вошла. В прихожей было темно и пусто. Я прошла к своей комнате, толкнула створку — и застыла на пороге.

Комната была перевернута вверх дном.

Ящики стола выдвинуты и вывернуты, бумаги раскиданы по полу. Шкаф распахнут настежь, платья Аврелии сорваны с крючков и брошены грудой. Постель стащена, матрас вспорот по шву — из прорехи торчал пух.

Кто и что здесь искал?..

Я стояла, вцепившись в косяк, и по рукам разбегались холодные мурашки, когда в гостиной, за моей спиной, медленно скрипнула половица — будто под осторожным шагом.

Я перестала дышать. Страшное осознание ударило в затылок — тот, кто ворвался в мою комнату, никуда не ушел. Он все еще был здесь.

Глава 6. Голос Льва

Я нащупала на тумбе тяжелый бронзовый подсвечник, стиснула его в кулаке и вжалась в стену у дверного косяка. В доме стояла темнота, и в этой темноте я слышала только собственное сердце да тихие, крадущиеся шаги, что приближались к моей комнате.

Дверь начала медленно приоткрываться.

Я занесла подсвечник, целясь в того, кто войдет, — и из темноты резко хлестнуло:

— Стоять!

Рука застыла в воздухе сама собой. Я рванулась опустить ее, метнуться вбок, закричать — и не сумела шевельнуть даже пальцем. Тело окаменело, будто меня по горло вкопали в землю. Только глаза метались как безумные да грудь силилась втянуть воздух. Магия голоса, дар Льва — приказ, которому не может противиться ничто живое.

В комнату шагнул человек. В поднятой ладони у него дрожал крохотный огонек, живой и теплый, и в этом свете я узнала черные волосы, зеленые глаза, знакомую усмешку, еще не сошедшую с губ.

Карион.

Он увидел меня, вздернутую в нелепом замахе, с подсвечником над головой, и удивленно приподнял брови. Что-то мелькнуло в его лице — не то досада, не то запоздалое со-

жаление, — и он коротко махнул рукой.

Магия отпустила. Тело снова стало моим. Я качнулась, хватая ртом воздух, и едва не выронила подсвечник.

— Ты! — выдохнула я. — Это ты ворвался в мою комнату?!

— Ты совсем с ума сошла? — он огляделся, поднял огонек выше. — Зачем мне рыться в твоих розовых платьях?

— Вот и я тебя спрашиваю — зачем?!

— Успокойся, истеричка.

— Сам ты истеричка! — взвизгнула я. Нервы были на пределе, голос сорвался. — Зачем ты крался ко мне со спины?

— Хотел свернуть тебе шею, чтобы ты больше не раздражала меня идиотскими претензиями.

— Ублюдок!

Подсвечник выпал у меня из рук и глухо стукнул об пол. Я обхватила себя руками. Меня трясло — крупно, безостановочно. Только теперь, когда схлынул первый ужас, тело догоняло весь пережитый страх разом.

Карион осекся. Его взгляд прошелся по комнате — по вывернутым ящикам, сорванным платьям, вспоротому матрасу, — потом вернулся ко мне, дрожащей, обнимающей саму себя, и насмешка исчезла с его лица.

— Я увидел тень в окне, — сказал он уже другим тоном, ниже и спокойнее. — Подумал, что кто-то забрался в дом. Ты ведь слишком боишься темноты, чтобы сидеть в комнате без единой свечи.

Я сглотнула. Аврелия боится темноты. Еще одна мелочь, о которой мне не сказали, — и которую он знал без всяких портретов.

— Кто-то и правда забрался, — выговорила я.

— Что-то пропало?

Я обвела глазами разгром. Драгоценности Аврелии тускло блестели в раскрытой шкатулке на полу — их не тронули. Приходили не за золотом.

— Кажется, нет.

— Стой здесь.

Он прошелся по комнате и зажег одну за другой все свечи, что нашел. Теплый свет разлился по стенам, и от него мне стало чуть легче. Потом Карион вышел. Я слышала, как он ходит по дому: скрипят половицы, хлопают дверцы, лязгает задвижка на заднем крыльце. Его не было долго. Наконец шаги вернулись.

— Никого, — сказал он, остановившись в дверях. — Ни во дворе, ни в доме. И следов не оставил.

Он помолчал, изучая страдальческое выражение моего лица, потом кивнул на разгром:

— Пойду разбужу Тею, пусть приберет весь этот бедлам.

Он повернулся к двери, и я сама не заметила, как метнулась следом и вцепилась ему в рукав.

— А что, если он вернется?

Карион замер. Опустил взгляд на мои побелевшие пальцы, стиснувшие ткань его формы, потом снова поднял глаза

на меня. На один удар сердца между нами повисло что-то, чему я не нашла названия. Я разжала руку.

— Запри за мной дверь и никому не открывай, — сказал он ровно. — У меня есть свой ключ. А утром я попрошу поставить на дом охранные заклинания. До тех пор сюда никто не войдет, кроме меня и Теи.

Он вышел. Я задвинула засов, повернула ключ, для верности подергала дверь — заперто. И все равно не могла унять дрожь.

Уснуть я и не надеялась. Чтобы хоть чем-то занять руки, я принялась поднимать с пола раскиданное — и, проходя мимо окна, заметила, что шпингалет откинут. Потянулась закрыть его.

На железном язычке шпингалета висел клочок ткани. Темной, плотной, вырванной с мясом, — будто зацепились полой, торопливо перелезая через подоконник.

Я расправила лоскут на ладони, и внутри у меня все оборвалось. Эту ткань я уже видела. В первый вечер, у кустов под этим самым окном, — край темного плаща, мелькнувший и пропавший в сумерках.

Тот, кто следил за мной с первого дня, сегодня побывал в моей комнате. А охранные заклинания встанут только утром.

Глава 7. Зеркальная связь

Дом затих далеко за полночь.

Тея прибрала разгром, застелила распоротый матрас чистым бельем, поохала над сорванными платьями и ушла к себе. За стеной щелкнул замок — Карион заперся в своей комнате. Я осталась одна, при трех горящих свечах, и все не решалась подступиться к тому, ради чего дождалась тишины.

К зеркалу.

Оно висело над комодом, старое, в потемневшей раме. Я сняла с запястья один из браслетов Аврелии — тонкий, витой, еще хранивший тепло ее... нет, теперь моей кожи, — зажала его в кулаке и встала перед стеклом.

Перед тем, как отправить меня в Академию, Аврелия научила меня всего одному заклинанию: зеркальная связь, завязанная на вещь владельца. Я закрыла глаза, нащупала внутри тот теплый источник, что просыпался во мне на занятиях, и повела его к ладони, к браслету, к холодной глади стекла. Магия Девы текла медленно, неохотно — резерв у меня был с наперсток и таял на глазах даже от такого простого действия.

Поверхность зеркала подернулась рябью. Мое отражение расплылось, поплыло, и сквозь него проступила чужая комната — незнакомые стены, полог кровати, свеча на столике.

А через пару мгновений в раме показалось лицо.

Мое лицо.

То самое, что я теперь носила: светлые волосы, тонкие брови, капризный рот. Только смотрело оно на меня чужими, заспанными глазами Аврелии, и от этого по коже прошел озноб. Говорить со своим отражением, которое живет отдельной жизнью, — к такому не привыкнуть.

— Чего тебе? — Аврелия зевнула, не прикрывая рта. — Ночь на дворе.

— Кто-то забрался в мою комнату и перевернул тут все.

Сон слетел с нее разом. Аврелия побледнела так, что это было видно даже сквозь рябь стекла.

— Ты что-нибудь выяснила?

— Нет. Я ведь толком не знаю, что искать, — я стиснула браслет крепче. — Может, дадите мне чуть больше деталей?

— Я рассказала тебе самое важное, — госпожа отвела взгляд и повела плечом.

Во мне поднялось раздражение, копившееся с первого дня.

— В мою комнату кто-то влез! — голос я держала тихим, помня о стене, за которой спал Карион, но слова выходили злыми. — Вы клялись, что мне ничего не грозит. Я вижу обратное. Расскажите наконец, что случилось с Мерлин, — тогда я быстрее найду то, что вам нужно, и сумею уберечь себя.

Аврелия долго молчала. Потом тяжело вздохнула, и лицо

ее в зеркале осунулось.

— Мерлин упала с башни, — сказала она глухо. — Прошлой осенью. Все решили, что она сама. Нашли ее дневник — там страница за страницей о том, какая она несчастная, как ей не хочется жить. — Аврелия подняла на меня глаза. — Только я этого дневника в глаза не видела. Ни разу. А ведь ближе меня у Мерлин никого не было. Не вела бы она тайных дневников от меня. И с собой бы не покончила — никогда.

Госпожа перевела дыхание.

— Я уверена, кто-то в академии убил ее. А дневник подбросил, чтобы все сошло за тоску. Ты должна узнать, кто это сделал.

Я похолодела. До этой минуты мне думалось, что с Мерлин стряслось несчастный случай, и мне надо лишь докопаться до подробностей. Теперь выходило иначе. Кто-то поднял руку на девушку и до сих пор ходил по этим коридорам. А нынче ночью заглянул и ко мне.

— С чего мне начать? — спросила я. — Есть у вас хоть какая-то догадка?

— Приглядись к нашим общим знакомым. К тем, кого я тебе называла и показывала. — Аврелия помолчала, а потом понизила голос, будто и там, у себя, боялась чужих ушей: — И особенно — к Гариету. Он ненавидел нас обеих. У него хватило бы и силы, и ума подстроить такое.

Я открыла рот, чтобы сказать ей. Слова уже толкались на языке — «Аврелия, Гариет здесь, он мой куратор, я сплю с

ним под одной крышей». Но в этот самый миг браслет в моей ладони остыл, а теплый источник внутри иссяк до дна. Зеркало подернулось рябью, лицо Аврелии смазалось и растаяло. Стекло прояснилось.

Из рамы на меня снова смотрело мое (чужое) лицо. Связь оборвалась, и слова застряли у меня в горле.

Аврелия так и не узнала, что назвала мне убийцей человека, спящего в десяти шагах от моей постели.

Я опустилась на край кровати, не сводя глаз с темной двери. За тонкой стеной стояла тишина. Там спал Карион — мой куратор, мой сосед, единственный, кого Аврелия боялась настолько, чтобы понизить голос за сотню верст отсюда.

Единственный, у кого был ключ от моей двери.

Неужели все это время я делила дом с убийцей?

Глава 8. Первая ниточка

При дневном свете лоскут от порванного плаща выглядел жалко — темный невзрачный клочок в пол-ладони. Я села к окну, расправила его на колене и принялась изучать так, как умела только я.

За годы в мастерской через мои руки прошли сотни тканей. Я на ощупь отличала настоящий шелк от подделки, знала, сколько стоит локоть доброго сукна и чем оно пахнет. И этот обрывок рассказал мне кое-что сразу.

Ткань была дешевой. Грубая редкая нить, неровная выделка, скверная краска — от сырости такое линяет и садится. Плащ из подобной материи не набросит на плечи ни один знатный господин; в таком ходят конюхи, посыльные, прислуга — те, кто считает медяки.

Значит, ночью ко мне лез не барин. Простолюдин — или тот, кто рядился под простолюдина. Я свернула лоскут и спрятала за подкладку своего дорожного платья, к единственной вещи, что осталась при мне настоящей. Первая ниточка — тонкая, но моя.

Стукнула дверь — вошла Тея с кувшином теплой воды и стопкой белья. Увидев меня уже на ногах у окна, она поставила ношу и всплеснула руками.

— Госпожа, вы бы полежали еще! После такой-то ночи, — она подошла ближе, вгляделась мне в лицо, и в глазах у

нее стояла неподдельная тревога. — Как вы? Смогли хоть немного отдохнуть? Это ж надо — забраться в дом, где живет госпожа...

Она хлопотала вокруг меня, поправляла подушки, подливала воды и делала это так искренне, что у меня внутри что-то оттаяло. За те дни, что я жила чужой жизнью, Тея была единственной, кто тревожился обо мне без выгоды и умысла. Простая, теплая, открытая девушка. Против воли она мне нравилась.

— Ой, чуть не забыла, — спохватилась она, отжимая полотенце. — В Академию нынче приехала госпожа Линнея. С опозданием: говорят, помогала отцу в столице, в каких-то делах при дворе. Вы ведь с нею дружны? Она уже про вас спрашивала.

Линнея. Имя всплыло из тех, что вбивала мне в память Аврелия. Подруга не из самых близких — из тех, с кем видятся на приемах да пишут раз в месяц. Дочь человека, вхожего в большую политику.

Я кивнула, изобразив радость, а про себя сделала зарубку. С Линнеей придется поговорить. Раз она знала Аврелию, то знала и Мерлин, — а погубил Мерлин кто-то из тех, кто ее знал.

К завтраку я вышла с максимально мрачным лицом. Карион уже сидел за столом и, когда я вошла, поднял на меня глаза.

— Заклинания поставили на рассвете, — сказал он без

предисловий. — Теперь чужой в дом не войдет, — он отломил кусок хлеба. — А со стражей я поговорю сегодня же, чтобы выяснить, кто и что забыл в твоей комнате.

Он говорил спокойно, деловито, будто и вправду взялся меня оберегать. Вчера он сковал меня приказом и ради меня обшарил весь дом, сейчас же ставил на окна караул из заклинаний. И все-таки кусок не лез мне в горло. За этим самым столом сидел человек, которого Аврелия назвала убийцей Мерлин. Тот, у кого хватило бы и силы, и ума. Я смотрела, как он намазывает хлеб маслом теми же руками, и не могла понять, чего во мне больше — страха или сомнения.

После завтрака я вышла из дома раньше Кариона и всю дорогу до корпуса думала об одном: медлить больше нельзя.

Пока я тянула, кто-то влез в мою комнату. Промедлю еще — он вернется, и в другой раз даже охранные заклинания могут его не остановить. Вернуть себе покой я могла одним способом: сделать то, за чем меня прислали, — узнать, кто убил Мерлин. Чем скорее найдется ответ, тем скорее я стану спокойно сидеть на лекциях и перестану вздрагивать от каждого скрипа за спиной.

Оставалось решить, с чего начать. А ответ нашелся сам.

У входа в корпус, привалившись плечом к колонне, стоял Джек. Он держался в стороне от общего потока и смотрел, как студенты текут мимо, — хмурый, собранный, с тем же тяжелым лицом, что и накануне. Отвергнутый воздыхатель Мерлин. Тот, кому ее смерть разбила жизнь, — или тот, кто

сам к этой смерти руку приложил.

С него я и начну.

Я замедлила шаг, выбирая миг, чтобы подойти, и тут Джек, будто почуяв мои намерения, повернул голову. Наши взгляды встретились. На этот раз он не отвел глаз. Уголок его рта дернулся — не то усмешка, не то узнавание, — и от этого мне сделалось холодно.

А потом он оттолкнулся от колонны и, не оборачиваясь, зашагал прочь от аудиторий, в темный боковой коридор, куда не сворачивал никто из спешащих на лекции.

Будто звал за собой.

Я стиснула ремень сумки и пошла следом.

Глава 9. Ходячая катастрофа

Боковой коридор увел меня прочь от гула аудиторий, к тупику с высоким узким окном. Шаги здесь отдавались гулко, и я вдруг сообразила, что осталась с Джеком один на один, вдали от чужих глаз. Пальцы сами скользнули к вороту, к изумруду.

У окна Джек остановился и обернулся. В сером свете лицо его показалось еще жестче.

— Я заметил, как ты на меня пялилась еще в первый день, — он смерил меня презрительным взглядом. — И сегодня. Чего тебе от меня надо?

Прямота застала меня врасплох. Я вскинула подбородок, дотягиваясь до высокомерия Аврелии.

— Поговорить. О Мерлин.

Что-то дрогнуло у него в лице при этом имени — и тут же затвердело.

— Мне нечего тебе сказать, — Джек отвернулся к окну, потом бросил через плечо, тихо и зло: — Жаль только, что Мерлин связалась с такой, как ты. Не спутайся она с тобой, может, была бы сейчас жива.

Кровь застучала у меня в висках.

— Что это значит?

— Будто ты сама не знаешь.

И правда — я не знала. Ни что он имел в виду, ни что на-

творила настоящая Аврелия, ни почему при ее имени у него каменеет лицо. Я стояла перед ним, ничего не понимая, с чужими словами наготове, и не могла ни возразить, ни оправдаться, потому что не ведала, в чем меня винят.

— Хватит говорить загадками, — я шагнула ближе, забыв про осторожность. — Моя подруга умерла. Если ты что-то об этом знаешь — скажи.

Джек развернулся ко мне всем телом, и в глазах у него полыхнуло такое презрение, что я едва не отступила.

— Ой, только не притворяйся, будто тебе есть до нее дело, — он говорил негромко, и оттого слова звучали еще злее. — Ты сама — ходячая катастрофа. И если ты надеешься кого-то обмануть этим показным смирением да низко опущенной головой, со мной такой трюк не пройдет. Уж я-то тебя знаю.

Он бросил на меня последний тяжелый взгляд и пошел прочь, не оглядываясь. Шаги стихли за поворотом, а я осталась стоять в пустом тупике, у холодного окна, и не могла двинуться с места.

Разговор вышел совсем не таким, каким я его себе рисовала. Я готовилась вытягивать из Джека слова, ловить оговорки, разгадывать намеки. А вышло, что уличали, обвиняли и презирали меня — за что-то, чего я не совершала и о чем даже не слыхала. Он говорил так, будто настоящая Аврелия была виновата в смерти Мерлин.

И тут до меня дошло с запозданием: я ничего не знала о

женщине, чье лицо носила.

Аврелия рассказала мне про свои поместья, про родню, про вкусы и привычки — но ни словом не обмолвилась о том, какой ее видели здесь. Что она натворила. Кого нажила во враги. Почему кто-то, глядя ей в лицо, роняет: «Не спутайся Мерлин с тобой, она была бы жива».

Я додумала эту мысль до конца, и мне сделалось совсем не по себе. Аврелия наняла меня искать убийцу подруги. А что, если о ее смерти она знает куда больше, чем сказала? Что, если под чужим лицом я распутываю дело, в котором сама Аврелия увязла по горло?

Госпожа, чье лицо я носила, оказалась совсем не так проста. И я вдруг поняла, что боюсь ее едва ли меньше, чем того, кто ночью лез ко мне в окно.

Глава 10. Письмо из дома

Весь день эта мысль не давала мне покоя, и к вечеру я почти на ней утвердилась: пора выходить из игры.

На лекциях я не слышала ни слова. Перед глазами стояло презрительное лицо Джека, в ушах звенело «ходячая катастрофа», и чем дольше я все это перебирала, тем яснее понимала: я влезла не в свое дело. Богатая девица не поделила чего-то с другой такой же, кто-то из их круга поплатился жизнью, а меня, швею, сунули в самую середину, толком ничего не объяснив. Убийца бродит по академии, лазает ко мне в окна, а я под чужим лицом распутываю то, в чем, может статься, увязла и сама моя хозяйка.

С меня хватит.

Вернусь домой, решила я, вечером свяжусь с Аврелией через зеркало и скажу, что выхожу из уговора. Пусть ищет другую дуру. Деньги, что успела получить, оставлю семье, а сама снова сяду за иглу — за медяки, зато живая. Пусть богатые да влиятельные грызут друг друга сами. Не швеиного ума дело распутывать их убийства.

Домой я вернулась, когда солнце уже клонилось к башням. Охранные заклинания Кариона мягко пропустили меня через порог — по коже пробежало тепло, и дверь отворилась сама. В прихожей меня встретила Тея со стопкой писем.

— Госпожа, вам почта. Накопилась за неделю, — она про-

тянула мне пачку, перехваченную бечевкой. — Тут и приглашения, и от родни вашей, кажется.

Я унесла стопку к себе, села у окна и принялась перебирать. Плотные конверты дорогой бумаги, оттиснутые в сургуче гербы, надушенные записки — все для Аврелии Морвейн, до которой мне не было дела. Я откладывала их одно за другим, пока пальцы не наткнулись на конверт из грубой серой бумаги, без печати.

Аврелия обещала, что весточки из дома будут приходить вместе с ее собственной почтой, затерявшись среди гербов и сургуча. Вот и первая.

Я узнала почерк прежде, чем прочла имя. Так выводила буквы только моя мать — медленно, с нажимом, слюнявя огрызок карандаша над каждой строчкой. Руки у меня задрожали. Я сорвала бечевку, развернула тонкий листок и впилась глазами в неровные строки.

Мама писала просто, как умела.

«Доченька, у нас радость. Лире полегчало. Лекарь ходит к ней через день, поит настоями, каких мы прежде и купить не могли. Жар спал, и кашля почти нет. Она снова просит есть и даже смеется. Доктор говорит, к весне встанет на ноги. Все через тебя, родная, через твои деньги...»

Строчки поплыли, и я смахнула слезы рукавом, чтобы читать дальше.

«...А еще мы залатали крышу. Помнишь, как в дождь текло на твою постель и мы подставляли лохань? Теперь сухо.

Первый раз за столько зим у нас в доме сухо и тепло. Соседи дивятся, откуда достаток, а я говорю — дочка в услужение пошла к добрым господам. Ты уж прости, что приврала...»

Я дочитала, прижала листок к груди и тихо заплакала, чтобы не услышала Тея за стеной. Впервые за много дней меня отпустило: сестренка будет жить, в родном доме сухо, и все это — моими руками, пусть под чужим лицом.

Вот ради чего я здесь. Ради смеха румяной Лиры. Ради сухой крыши над головой у матери. Все остальное — тайны Аврелии, гибель девушки, которую я и в глаза не видела, — вдруг отодвинулось далеко-далеко.

Уехать я не могла. Стоит мне выйти из уговора, и деньги иссякнут, лекарь перестанет к нам приходить, крыша снова потечет, а Лира... О том, что станется с Лирой, я и думать не желала.

Значит, останусь. Доведу дело до конца, чего бы оно ни стоило. Раз, чтобы спасти сестру, надо по уши влезть в чужие интриги и ходить одним коридором с убийцей — что ж, влезу и буду ходить. Я вытерла глаза, спрятала письмо под подкладку, к лоскуту от плаща, и расправила плечи.

И в этот самый миг в дверь громко, требовательно постучали.

Я вздрогнула всем телом. Кулак ударил по дереву еще раз — нетерпеливо, властно. Так не стучала ни Тея, ни тот, у кого был свой ключ.

Я замерла, не сводя глаз с запертой двери, и сердце зако-

лотилось где-то у самого горла.

Глава 11. Линнея

Я снова сняла с тумбы тяжелый подсвечник и, стиснув его в руке, подошла к двери.

— Кто там? — голос я постаралась сделать твердым, хотя внутри все сжалось от тревоги.

— Да я это, я! — отозвался из-за двери звонкий девичий голос. — Линнея!

Линнея. Рука с подсвечником опустилась. Я перевела дух, отодвинула засов и приоткрыла дверь.

На пороге стояла высокая изящная брюнетка в дорожном плаще, с румянцем на щеках и охапкой свертков под мышкой. Не успела я и слова сказать, как она втиснулась внутрь и бросилась мне на шею.

— Наконец-то! — она стиснула меня так, что хрустнули ребра. — Я думала, помру, пока доберусь. Твой куратор меня впустил, представляешь, — этот твой Карион. Мрачный, как туча, но хорош, ничего не скажешь. С каких это пор он тебя опекает?

Я открыла было рот, но Линнея уже неслась дальше, не дожидаясь ответа.

— Ой, да неважно! Потом расскажешь. Ты только глянь, что я привезла!

Она свалила свертки на кровать и принялась разворачивать их один за другим, встряхивая ткань, поднося к свету.

— Вот это купила в Луминаре, по дороге. Шелк, представляешь, настоящий селленисский. Едва у отца выпросила, — она закатила глаза. — Он опять за свое. Что ни письмо: «Линнея, тебе двадцать один, Линнея, вот достойная партия, сын лорда такого-то...» Как будто мне охота под венец с чьим-то унылым наследником. Я ему: дай доучиться, а он...

Я разглядывала шелк, и рука сама тянулась пощупать плетение — селленисский, и правда, дорогой, гладкий, как вода. Я вовремя спохватилась и отдернула пальцы: госпожа Морвейн трогает ткани иначе, чем швея. Линнея, к счастью, не заметила — она уже держала перед собой изумрудное платье и вертелась так и эдак.

Она болтала без умолку — о балах, о том, кто с кем рассорился за лето, о новой служанке, что не умеет укладывать волосы, — и вдруг осеклась, разглаживая на коленях подол.

— А знаешь... — голос ее сделался тише. — Все никак не привыкну, что Мерлин с нами не будет. Вхожу в корпус и будто ищу ее глазами. Глупо, да? Столько месяцев прошло, — она моргнула, прогоняя тоску, и тут же тряхнула кудрями. — Ладно! Не будем о грустном.

Я кивала, вставляла словечки наугад, а сама ловила каждую крупицу. За четверть часа Линнея, сама того не ведая, рассказала мне больше, чем Аврелия за всю подготовку: как они жили в прошлом году, кто с кем водился, чье имя произносят с придыханием, а чье сквозь зубы. И всякий раз, когда речь заходила о «нас» — как «мы» веселились, кого

«мы» ставили на место, — у меня холодело внутри. Аврелия и Мерлин, судя по всему, держали академию в страхе.

— Так, все, хватит киснуть! — Линнея хлопнула в ладоши и просияла. — У меня новость. Старшекурсники в субботу закатывают вечеринку в старой оранжерее. Мы идем. И слышать ничего не желаю.

— Я...

— Идем-идем. Тебе надо развеяться после всего. И грех прятать такое личико по углам, — она уже рылась в моем шкафу, выхватывая платья Аврелии и придирчиво их оглядывая. — Так, это старье, это ты надевала сто раз... о, а вот это! В этом ты их всех уложишь на лопатки.

Я поддалась. Спорить с Линнеей было бесполезно, да и в голове у меня уже сложилось: вот он, мой шанс. В полутьме оранжереи, за вином и музыкой, языки развяжутся и люди заговорят свободнее. Там я, не выспрашивая ничего в лоб, услышу то, что при свете дня держат за зубами: о Мерлин, о ее последних днях, о той, чье лицо я теперь носила.

Я взяла у Линнеи платье, приложила к себе перед зеркалом и как бы между прочим спросила:

— И кто там будет?

— Да все! — она всплеснула руками. — Дети советников, старшие, кураторы... — Линнея загибала пальцы, называя имена, половина которых мне ничего не говорила. А потом, все тем же беспечным тоном, обронила: — И вся наша прежняя компания соберется. Мы ведь тогда тоже сидели на

вечеринке, прямо перед тем, как она...

Линнея не договорила, отвернулась к зеркалу и вдруг притихла.

Глава 12. Старая схема

Суббота подкралась незаметно, и к вечеру Тея хлопотала надо мной, как наседка.

Она затянула на мне шнуровку, расправила темно-изумрудный шелк по бедрам, уложила волосы в высокую прическу и отступила, любуясь делом своих рук.

— Ох, госпожа, до чего же вы хороши. — Она прижала ладони к щекам. — В этом платье вы всех там затмите, честное слово. Ни одна леди с вами не сравнится.

Я поглядела в зеркало. Оттуда на меня смотрела Аврелия Морвейн — золотоволосая, тонкая, в дорогом платье, с холодным блеском в чужих глазах. Красивая до чужести. Я давно перестала узнавать в этом отражении себя.

— Госпожа... — Тея замялась, комкая в руках полотенце. — А вы во сколько думаете воротиться? И... понадоблюсь ли я вам завтра?

— А что такое? — я обернулась.

— Да я... — она порозовела. — Думала съездить на денек к своим. Они тут недалеко живут, полдня пути. Давно не виделись. Но если я вам нужна...

— Конечно, езжай, — сказала я, не раздумывая. — Один день я и сама как-нибудь справлюсь. Побудь с семьей.

Тея замерла, будто не поверила ушам. Потом глаза у нее заблестели, она вдруг схватила мою руку в свои и прижалась

к ней.

— Ох, спасибо вам, госпожа! Спасибо. Я мигом обернусь, вы и соскучиться не успеете, вот увидите...

Она рассыпалась в благодарностях, суетилась, кланялась — из-за одного-единственного свободного дня. И по тому, как жадно, как недоверчиво она этому радовалась, я поняла: настоящая Аврелия не баловала ее добротой. Отпустить служанку к родне, спросить, не устала ли она, — такого Тея, похоже, не знала за все годы службы.

Что ж. Пусть хоть под чужим лицом, но я успею сделать капельку добра. От меня не убудет.

Старая оранжерея пряталась в глубине сада, за живой изгородью, и снаружи казалась темной и пустой. Но стоило потянуть тяжелую стеклянную дверь — и меня обдало теплом, музыкой, запахом вина и цветущих в кадках растений. Внутри, среди пальм и завитых плющом колонн, горели десятки свечей, двое старшекурсников играли на лютнях, и повсюду смеялись и пили молодые люди в дорогих нарядах.

— Аврелия! Наконец-то! — Линнея вынырнула из толпы, схватила меня под руку и потащила в круг. — Идем, все уже про тебя спрашивали.

«Наша» прежняя компания встретила меня как свою: объятия, поцелуи в щеку, чужие имена, которые я торопливо привязывала к лицам. Я улыбалась, кивала, роняла короткие фразы, за которыми не стояло ничего, и все оглядывалась по сторонам.

Джека я заметила сразу. Он стоял у дальней колонны, в стороне от веселья, с бокалом, к которому, кажется, так и не притронулся, и смотрел на меня через весь зал с той же неприязнью, что и в тупике Академии.

Линнея проследила за моим взглядом и поморщилась.

— Опять этот неудачник, — она понизила голос и придвинулась ближе. — Все никак не смирится. Мерлин с ним и за руку бы прилюдно не прошла, куда ему, а он до сих пор винит тебя во всех бедах. Носится со своим горем так, будто она ему кем-то приходилась.

Вот и вторая правда об этой истории. Джек твердил, что Мерлин погибла из-за Аврелии, — Линнея выставляла его жалким воздыхателем, что цепляется к чужому имени от бессилия. Кому из них верить, я пока не знала. Но обе стороны сходились в одном: Мерлин, Аврелия и Джек были связаны туго, и этот узел кто-то разрубил.

Ответить я не успела. Линнея вдруг оживилась, вцепилась мне в локоть и кивнула в сторону.

— Ой, гляди-ка, — в голосе ее зазвенело что-то, от чего мне стало не по себе. — Видишь вон ту, у столика с фруктами? Новенькая. Стипендиатка, из простых, за версту видать, — Линнея улыбнулась, сузив глаза, и заглянула мне в лицо. — Ну что, подруга, сработаем по старой схеме?

Я понятия не имела, что за «старая схема». Но по лицу Линнеи и по предвкушению в ее глазах я поняла: стоит переспросить — и я выдам себя с головой. Настоящая Аврелия

знала эту схему. И проделывала ее не раз.

И я улыбнулась в ответ.

— Сработаем.

Что бы это ни значило, отступать было поздно. У столика с фруктами стояла худенькая девочка в простеньком платье и робко поглядывала в нашу сторону — совсем как я сама еще месяц назад. Она не знала, что мы ее уже приметили. А я не знала, во что впуталась.

Глава 13. Кажется, я ошиблась

Мы двинулись к столику с фруктами, и я держалась чуть позади Линнеи, решив молчать. Стоило мне открыть рот и ляпнуть что-то невпопад — я выдала бы себя перед всей компанией. Пусть игру ведет Линнея. А я послушаю и погляжу, что за «схема» такая.

Новенькая заметила нас и подобралась. Вблизи она оказалась совсем молоденькой, первокурсница, младше многих в этом зале. Тоненькая, с гладко зачесанными волосами, в платье, которое явно перешивали из старого. Швею не обманешь: подол укоротили, лиф надставили другой тканью, чуть светлее. Она куталась в это платьице, как в панцирь, и смотрела на нас с опасливой надеждой.

Линнея расцвела самой теплой из своих улыбок.

— Ты ведь новенькая, да? — проворковала она. — Как же мы тебя раньше не заметили! Не робей, тут все свои. Мы с Аврелией с радостью тебе все покажем — кого держаться, кого обходить. Первый год такой: без своих людей пропадешь.

Девочка просияла в ответ — недоверчиво и благодарно. Я узнала эту благодарность. Так радуешься, когда сильные вдруг снисходят до тебя, и еще не знаешь, что за это придется платить. Мне стало нехорошо.

— Слушай, а ведь ты кое-кому уже приглянулась, — Лин-

нея понизила голос и лукаво повела глазами в сторону. — Вон тот, видишь? Высокий, у колонны, в синем. Весь вечер на тебя поглядывает. Он бы и подошел, да робеет. Они, красавчики, все такие. — Она подтолкнула девочку локтем. — Иди сама, чего ты. Пригласи его на танец. Он обрадуется, вот увидишь.

Девочка залилась краской, замотала было головой, но Линнея не отставала — уговаривала, подбадривала, легонько подталкивала к колонне. И та решилась. Оправила лиф, вздернула подбородок и пошла через зал к высокому старшекурснику в синем.

Я смотрела ей вслед, и внутри у меня все сжималось.

Девочка что-то сказала парню — слов я не слышала, но видела, как она указала на танцующих и несмело улыбнулась. Парень оглядел ее с ног до головы, и лицо его вытянулось. Он бросил что-то короткое, брезгливое, глядя на нее так, будто она рехнулась, и отвернулся к приятелям. Те в голос загоготали.

Девочка застыла. Краска сползла у нее с лица, и она, ссутулившись, почти бегом вернулась к нам, глотая слезы.

Линнея давилась смехом, прижав к губам ладонь.

— Ой, — выдохнула она, округлив глаза с притворным раскаянием. — Кажется, я ошиблась. Поглядывал он вовсе не на тебя. Вот незадача!

Девочка стояла ни жива ни мертва, а люди вокруг уже начали оборачиваться, чуя потеху. И тогда Линнея, всплеснув

руками якобы от огорчения, качнула бокалом — и темное вино плеснуло девочке прямо на грудь, растеклось по светлому лифу безобразным пятном.

— Ах, какая я неловкая! — пропела Линнея.

Вот теперь захохотали в открытую — и те, кто стоял рядом, и те, кто обернулся на шум. Девочка стояла посреди этого хохота, мокрая, красная, с трясущимися губами, и не знала, куда деться. Никто не подал ей руки, никто не заступился.

А я стояла рядом, тоже вроде бы часть этой стаи, но меня мутило так, словно на голову вылили ведро помоев.

Я слишком хорошо знала таких, как эта девочка. Таких, как я сама. Перешитое платье, гордо вздернутый подбородок, отчаянная надежда, что здесь, среди сильных, тебя примут за свою. Я сама носила это платье, эту надежду. И вот теперь стояла и смотрела, как ее топчут, — и молчала, потому что стоило мне вступиться, и я выдала бы себя с головой.

Теперь я понимала Джека. Понимала всех, кто цедил имя Морвейн сквозь зубы. Если Аврелия годами вот так забавлялась, то немудрено, что ее ненавидели. Немудрено, что кто-то мог желать ей и Мерлин смерти.

Я отвела глаза от плачущей девочки, не в силах больше смотреть, и наткнулась на чужой взгляд.

У входа в оранжерею, привалившись плечом к косяку, стоял Карион. Наши взгляды столкнулись через весь зал, и по спине у меня прошел холодок. Из всей толпы он один

смотрел мимо униженной девочки — прямо на меня. И читал по моему лицу то, чего читать не следовало.

Глава 14. Не ради тебя

Я выскользнула из оранжереи через боковую дверь, в темноту сада, лишь бы подальше от смеха, от музыки, от мокрого лица той девочки. Ночной воздух остудил разгоряченные щеки, но легче не стало. Меня все еще мутило. Я прислонилась к холодному стволу дерева, прикрыла глаза и попыталась дышать ровно.

Из-за стекла доносился приглушенный гул музыки, а в ушах бился частый ритм собственного сердца. А потом послышался звук шагов.

Джек вырос из темноты неожиданно, и я едва не вскрикнула от испуга. Его качнуло, когда он остановился передо мной; в руке — початый бокал, и от него разило вином.

— Вышла подышать? — голос был вязкий, злой. — Устала веселиться? Довела девчонку до слез, и в сад, свежим воздухом дышать.

Я выпрямилась, натягивая высокомерие Аврелии.

— Ты пьян, Джек. Иди проспись.

— Проспись, — передразнил он и шагнул ближе. — А ты все та же. Топчешь всех, кто слабее. Тебе это в радость, да? Всегда было в радость, — лицо его перекосилось. — Мерлин из-за тебя в могиле. Из-за тебя и таких, как ты. Ты ее и сгубила.

— Ты не знаешь, что говоришь, — процедила я, но голос

дрогнул.

— Знаю, — он придвинулся вплотную, дыша перегаром. — Все знают. Только вслух боятся говорить, потому что вы, Морвейны, кого угодно сотрете в порошок. А я не боюсь. Больше не боюсь.

Он вскинул руку — резко, пьяно, — и я едва успела понять, что он замахнулся для пощечины. Зажмурилась, но удара не последовало.

Я открыла глаза. Занесенное над моим лицом запястье Джека крепко держала чужая рука. Между нами, словно из ниоткуда, вырос Карион.

— Опусти руку, — сказал он тихо, но от звука его голоса по саду будто потянуло холодом. — Немедленно.

Джек рванулся, но пальцы Кариона не разжались. Он мог бы приказать — одно слово, и Джек рухнул бы к его ногам, я знала. Но голосом Льва Карион не воспользовался. Он просто стоял, глядя врагу в глаза, пока тот не обмяк.

— Слушай меня внимательно, — Карион отпустил его запястье, оттолкнув. — Эта девушка — моя подопечная, и ты не смеешь поднимать на нее руку. Еще раз подойдешь к ней ближе, чем на десять шагов, и я забуду, что ты вообще студент этой академии. Уяснил?

Джек перевел мутный взгляд с Кариона на меня, потом обратно. Хмель словно схлынул, оставив растерянность и стыд. Он пробормотал что-то невнятное, развернулся и, пошатываясь, побрел к огням оранжереи.

Мы остались вдвоем в темноте сада. Сердце у меня все еще колотилось. Я запахнула шаль на плечах и посмотрела на Кариона.

— Спасибо, — сказала я тихо. — Правда. Если бы не ты...

— Не думай, что я сделал это ради тебя, — он даже не взглянул на меня, поправляя манжету. — Ты моя подопечная. Я не могу позволить, чтобы какой-то пьянчуга при всех бил по лицу девушку, за которую я отвечаю. Речь о моей репутации.

— Кажется, ты хотел от меня избавиться, — заметила я.

— Все еще пытаюсь, — отозвался он ровно. — Только ректор раз за разом отклоняет мои прошения. Видно, кому-то наверху нравится надо мной посмеиваться.

— И все равно спасибо, — упрямо повторила я.

Он наконец повернулся ко мне, и в глазах его была усталая неприязнь.

— Не строй из себя невинную душу, — его голос сделался жестче. — То, что ты вытворяешь — мерзко. Я видел это сегодня, видел и все прежние годы. И благодарности твои мне ни к чему.

Что-то внутри у меня надломилось. Весь этот вечер — девочка в перешитом платье, вино на светлом лифе, хохот, мое собственное трусливое молчание — поднялось к горлу разом.

— Ты думаешь, мне самой это нравится? — вырвалось прежде, чем я успела прикусить язык.

Карион замер. Он посмотрел на меня так, будто эти слова произнес кто-то другой, — с недоумением, с внезапным острым вниманием, словно впервые за все время разглядел под лицом Аврелии Морвейн что-то, чего там быть не должно. Мгновение он молчал.

Потом лицо его снова застыло. Он усмехнулся — коротко, невесело.

— Думаю, — проговорил он, — ты всю жизнь жила за счет чужих страданий. И вряд ли способна на другое.

Он развернулся и пошел к оранжерее, оставив меня одну в холодной темноте.

Я стояла под голым деревом, обхватив себя руками, и не могла понять, что чувствую.

Человек, которого Аврелия назвала убийцей Мерлин, только что заслонил меня собой. Он презирал меня до глубины души и все же перехватил чужую руку у самого моего лица. А на один короткий миг, я готова была поклясться, под ненавистным лицом Аврелии он разглядел живую меня.

Звезды, как же все запутанно в этой проклятой Академии!

Глава 15. Сквозь стекло

Тея вернулась в понедельник, и я поймала себя на мысли о том, что рада ей до глупости.

За те дни, что я жила чужой жизнью, привязаться было не к кому. Линнея кружила меня в своем вихре, но с ней я все время играла роль; Карион меня едва терпел. А с Теей можно было просто помолчать рядом, и это уже согревало.

Решив, что Тея едва ли побежит на меня доносить, даже если госпожа ее и странно себя ведет, я осмелела и разговорилась.

— Ну, как съездила? — спросила я, пока она разбирала мои платья. — Как родные? Все живы-здоровы?

Тея улыбнулась, и по лицу ее разлилось тепло.

— Ой, хорошо съездила, госпожа. Спасибо вам еще раз. Все живы, все здоровы, все мне обрадовались, — она разгладила складку на юбке. — Давно я их не видела.

— А кто у тебя там? Большая семья?

— Да как сказать... — Она чуть замялась, потом улыбнулась снова, но уже сдержаннее. — Свои. Родня. Вы уж простите, госпожа, чего про нашу нищету рассказывать. Лучше вот про ваш вечер расскажите — весело было?

Я незаметно свернула с разговора об оранжерее, не хотелось вспоминать произошедшее, но Тея с радостью поддержала мою болтовню ни о чем. Звезды, как оказывается при-

ятно поговорить с живым человеком и не думать об разоблачении или расследовании.

За завтраком Карион не сказал мне ни слова.

Он вошел, когда я уже сидела за столом, коротко кивнул, сел напротив и уткнулся в бумаги. Ни колкости, ни насмешки — будто меня и не существовала. После нашей встречи в саду он словно решил вычеркнуть и меня, и мимолетную трещину, образовавшуюся в наших ледяных отношениях. Я даже не поняла, легче мне от этого или тревожнее.

С этой недели у нас, Дев, начиналось углубленное изучение дара. И, к моему удивлению, занятие вел сам ректор.

— Знак Девы редко жалуют вниманием, — сказал он, обводя взглядом нашу маленькую группу из пяти человек. — А зря. Наша магия тиха, но глубока. Зеркало может показать больше, чем целая свора соглядатаев, если знать, как смотреть.

Он расставил нас перед высокими зеркалами в пустом зале и стал учить.

Зеркальное зрение оказалось тонким ремеслом. Мало влить силу в стекло; надо задержать взгляд не моргая, отпустить мысли и позволить отражению растаять, а на его месте проступить другому — тому, что творится за стенами, у иной отражающей глади. Первые попытки давались тяжело: зеркало шло рябью и упрямо возвращало мне «мою» золотоволосую голову.

— Не давите, — негромко подсказывал ректор, переходя

от одного к другому. — Мягче, спокойнее.

Это не шло ни в какое сравнение с заранее заготовленным заклинанием Аврелии, которое само переносило меня к ней. Тут не было ни конечного пункта, ни вещицы владельца для поддержки, только я и бесконечные зеркальные коридоры вселенной.

На пятой или шестой попытке у меня получилось. Отражение подернулось туманом, разошлось, и в глубине стекла проступил другой зал: длинные столы, склоненные головы, кто-то листает книгу. Библиотека, поняла я, этажом ниже. Я видела ее так ясно, будто стояла в дверях, и сердце у меня зашлось от восторга.

— Хорошо, — раздался над ухом голос ректора. Он смотрел в мое зеркало через плечо, и в голосе его слышалось что-то похожее на удивление. — Очень хорошо, госпожа Морвейн. Помню, в прошлом году вы не справились с моим заданием, прогресс виден на лицо.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь во весь рот, и спрятала улыбку. Настоящая Аврелия не рвалась к наукам. Слишком яркое усердие могло выйти мне боком, поэтому я потупилась и пробормотала что-то про везение.

После занятий, вместо того чтобы идти домой, я свернула в сад — тот самый, где ночью Джек занес на меня руку. При свете дня он был тихим и пустым, палая листва шуршала под ногами, и думалось легче.

Пора было собраться с мыслями и решить, что делать

дальше.

Первое: разговорить компанию Аврелии. Осторожно, между делом, вытянуть из них, каким был последний день Мерлин, кто держался рядом с ней, что случилось на той вечеринке накануне. Линнея болтлива — с нее и начну.

Второе: дневник. Тот самый, что нашли после смерти Мерлин, с записями о ее тоске, — дневник, которого Аврелия, по ее словам, в глаза не видела. Если он поддельный, в нем может прятаться разгадка. Вот только где его искать — у стражи, у родных Мерлин? Этого я пока не знала.

Третье: Джек. За ним стоило приглядеть. Пьяная злоба его вчера была слишком похожа на правду. Или на чувство вины.

И, наконец, оставался сам Карион. Вчера он заслонил меня собой — и все же что-то скрывал, я чувствовала это нутром. Мы жили под одной крышей, и глупо было бы этим не воспользоваться.

Решено. С него и начну.

С Мерлин, с дневником, с Джеком можно было повременить, а Карион был здесь, рядом, за тонкой стеной, и по вечерам уходил к страже — говорил, что ищет того, кто влез в наш дом. Значит, наступит час, когда его комната опустеет.

Ждать пришлось до вечера. Тея хлопотала на кухне, из-за стены не доносилось ни звука — Карион ушел, как я и рассчитывала. Я выскользнула в темный коридор, сжимая в кулаке огарок свечи, и остановилась перед его дверью.

Сердце колотилось где-то у горла. Если он вернется и застанет меня здесь, никакие рассуждения про репутацию и подопечную его не удержат. Я вспомнила, как одним словом он пригвоздил меня к месту, и рука на дверной ручке дрогнула.

И все же я нажала. Дверь поддалась — незаперто. Я скользнула внутрь, в комнату человека, который мог оказаться убийцей, и тихо притворила за собой створку.

Теперь оставалось найти хоть что-нибудь. И не попасться.

Глава 16. Спящая красавица

Я двигалась по комнате бесшумно, стараясь ничего не сдвинуть с места. Швея во мне знала цену порядку: запомнить, как лежала вещь, и вернуть ее точь-в-точь. Этому я выучилась еще в мастерской, где хозяйка карала за каждую спутанную катушку.

Комната Кариона оказалась под стать хозяину: скупой, строгий порядок, ничего лишнего. Узкая кровать, застеленная без единой складки. Полка с книгами по магии и праву. Умывальник, дорожный сундук, письменный стол у окна. Я обшарила все — приподнимала матрас, заглядывала за книги, проверяла карманы запасной формы на крючке — и не находила ровным счетом ничего. Ни писем, ни тайников, ни следов чего-то темного. Обычная комната сдержанного, замкнутого человека.

Может, Аврелия ошиблась, мелькнуло у меня. Может, никакой он не убийца, просто злой на язык куратор с тяжелым прошлым.

Я уже собиралась уходить, когда в нижнем ящике стола, под стопкой бумаг, наткнулась на плоскую кожаную папку. Развязала тесемки, откинула крышку, и замерла.

Внутри лежали рисунки.

Я принялась перебирать их один за другим и с каждым листом все больше забывала, зачем сюда пришла. Пейзажи:

излучина реки под башнями, старый мост, туман над садом. Портреты: смеющийся мальчишка, старуха с четками, лютнист, схваченный прямо в движении. Все это было сделано уверенной рукой, тонко и живо — так, что хотелось коснуться бумаги, проверить, не теплая ли она.

Неужели рисовал Карион? Тот самый Карион, что цедит колкости и держит лицо каменным?

Я и сама любила рисовать. В мастерской, урывками между заказами, я набрасывала эскизы платьев — линию плеча, как ляжет складка, где пустить вышивку. Мои рисунки были дельными, понятными закройщице. Но такое... Так я не умела и близко. У этого человека был настоящий дар, из тех, что не купишь ни за какие деньги.

Я перевернула еще лист — и рука моя застыла.

На бумаге была изображена спящая девушка.

Она лежала на боку, подложив ладонь под щеку, светлые волосы разметались по подушке. Рисунок был выписан с такой нежностью, с таким вниманием к каждой черточке — к тени от ресниц, к прядке у самых губ, — что перехватывало дыхание. Художник любовался ею. Это читалось в каждой линии.

А потом я узнала ее. Светлые волосы, тонкие брови, знакомый изгиб рта.

Аврелия.

Я смотрела на портрет, и внутри все холодело. Карион рисовал Аврелию. Спящую. Когда он мог видеть ее такой? Как

оказался так близко к ее постели, чтобы разглядеть тень от ресниц? И зачем хранил этот листок в самом дальнем ящике, под ворохом бумаг?

Одно из двух. Или между ними было куда больше, чем вражда, — то самое, о чем он обмолвился за завтраком. Или Карион из тех, кто крадется к спящим женщинам и переносит их на бумагу, оставаясь в тени. Я не знала, какая догадка страшнее.

И тут за стеной, в прихожей, громко хлопнула входная дверь.

Я похолодела. Он вернулся раньше, чем я ждала.

Руки задрожали, но выучка не подвела: я сунула портрет обратно, ровно туда, где он лежал, прикрыла бумагами, затянула тесемки папки, задвинула ящик. Метнулась к двери — и застыла. Шаги были уже в коридоре, между мной и выходом. Через дверь мне не выйти. Оставалось окно.

Я бросилась к нему и дернула шпингалет, но было уже поздно.

Дверь распахнулась.

Карион шагнул через порог и увидел меня у самого окна, с рукой на раме, готовую бежать.

— И куда ты собралась? — проговорил он, и голос его был тихим, холодным, опасным.

Он оказался рядом в два шага. Прежде чем я успела выдумать хоть слово в свое оправдание, его рука сомкнулась на моем запястье и дернула на себя — резко, но без боли, — и в

следующий миг я уже была вжата спиной в стену, а он навис надо мной, отрезав всякий путь к отступлению.

Я задохнулась. Его лицо оказалось в ладони от моего, зеленые глаза смотрели в упор, и от него пахло ночным холодом. Или холодом близкой смерти? Сердце колотилось так, что он, наверное, слышал его через два слоя ткани.

— Отвечай, — выдохнул он мне почти в губы. — Что ты забыла в моей комнате?

****

Дорогие, вот и закончился бесплатный фрагмент книги, но в платной части вас ждет много интересного:

— постепенное сближение главной героини и Гариета: через страх, неприязнь и взаимное притяжение

— распутывание клубка тайн: как умерла Мерлин? Кто был причастен к ее смерти? Действительно, ли невиновна сама Аврелия?

— раскрытие интриги о том, кто же первым выяснит настоящую личность главной героини, и какая будет реакция окружающих на данный факт?

Мы с радостью погрузимся в эту историю еще глубже вместе с вами. Ваша поддержка для нас бесценна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.